

УДК 330.8(470)
ББК 65.02(2)

Д.Я. Майдачевский
кандидат экономических наук, доцент,
Байкальский государственный университет
экономики и права

И.К. БАБСТ И НАЧАЛО «ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ» В РОССИИ

С позиций историко-научного историографического подхода автор анализирует творческое наследие И.К. Бабста, чей «исторический метод», вопреки многообещающим заявлениям, из исследовательского инструментария превратился в начало одного из способов дисциплинарной организации историко-экономического знания — «исторической экономики».

Ключевые слова: И.К. Бабст, историческая экономика, экономическая история, дисциплинарная история.

D. Ya. Maidachevsky
*PhD in Economics, Associate Professor,
Baikal State University of Economics and Law*

I.K. BABST AND BEGINNING OF «HISTORICAL ECONOMICS» IN RUSSIA

From the positions of «history-as-science-studies» historiographic approach the author analyses the Babst's scientific heritage, which historical method in spite of suggestive forecast from the research tool became the start point of disciplinary organization mode of historic-economic knowledge — «historical economics».

Keywords: I.K. Babst, historical economics, economic history, disciplinary history.

Историко-научный подход в историографии экономической науки при изучении проблемы начала экономической истории как экономической дисциплины обнаруживает на дисциплинарном поле историко-экономического знания три самостоятель-

ные субдисциплины, ныне обозначаемые общим «дисциплинарным именем», что обязывает историка, реконструирующего дисциплинарное прошлое, учитывать их предметную специфику. Картина дисциплинарной дифференциации экономической науки, которую позволяет создать данный подход, выгодно, своей «объемностью» и исторической достоверностью, отличается от традиционно допускаемого историко-мыслительным подходом существования лишь одной неисторической дисциплины, изучающей прошлое экономики [7].

В рамках субдисциплины «истории экономики» выступающие в роли историков экономисты привлекают и подвергают изучению, как первоисточники, так и результаты уже проведенных исследований. Извлекая из них интересующую историческую информацию, они затем объединяют в своих монографиях установленные факты с целью создания картины «действительной хозяйственной жизни» прошлого. «Историческая экономика» уже стремится обнаружить единство в многообразии исторических фактов, найти явления, которые представляются общими для разных стран, что позволяет, упорядочив их хронологически или в соответствии с иным принципом, создать «общую историю экономики». Она видится и как «синтез» истории экономики, достигаемый путем обобщения, построения типологий и классификаций, добытых последней эмпирических фактов с целью построения исторических экономических теорий.

Наконец, третий элемент дисциплинарной организации историко-экономического знания — «экономическая история», используя аналитический инструментарий экономической науки, переосмысливает исторический материал, интерпретирует факты с помощью выработанных ею понятий и концепций. Экономическая история, как видим, обозначает границу предметной области историко-экономического знания во многом противоположную той, на которой расположилась «история экономики». Промежуточное положение между ними занимает, соответственно, «историческая экономика» с ее попытками построения исторических моделей, максимально к этой объективной исторической реальности приближенных, которые, одна-

ко, чаще использовались ею для упорядочения эмпирического исторического материала.

Историко-мыслительный подход, ретроспективно прочерчивает непрерывную линию развития дисциплины, точно ведущую к заданной цели — современному ее состоянию, проводит дисциплинарные границы, прибегая к модернизации прошлого, творит историографические мифы, ретроспективно назначая «принудительных» для нее авторитетов. В отличие от него, историко-научный подход позволяет четко методологически и исторически размежевать дисциплинарное поле, добываясь предметной привязки проблемных областей знания или творчества того или иного исследователя. В данной статье — Ивана Кондратьевича Бабста (1824–1881), нередко именуемого «отцом основателем» экономической истории.

Известный историк русской экономической мысли В.В. Святловский в работе, опубликованной в начале минувшего столетия и специально посвященной «развитию взглядов на сущность экономической эволюции России», пришел к весьма неутешительному выводу. Выводу, гласившему, что различные направления отечественной мысли решали вопрос о хозяйственном прошлом страны руководствуясь «априорной точкой зрения», тем или иным «общим мировоззрением», предлагавшим готовые «схемы и ответы», не прибегая при этом к систематическому изучению «фактического прошлого», в силу чего экономическая история на рубеже XIX–XX вв. оказалась крайне запущенной отраслью экономического знания.

Историк указал лишь на один успешный исследовательский проект, реализованный в области истории хозяйственно-го быта русского народа, — «анализ вопроса о происхождении и развитии нашей земельной общины», в котором экономисты и историки права разобрались «с достаточной детальностью» [13, с. 55]. Не поставив его, однако, ни в какую связь с рассматриваемыми направлениями и течениями экономической мысли. Приверженность историко-мыслительному подходу, с неизбежным акцентом на общности мировоззренческих установок представителей соответствующих «направлений» экономиче-

ской мысли или, напротив, на их отличии от установок других «течений», не позволила разглядеть тот факт, что полемика уже между «славянофилами» и «западниками» велась не в одной лишь «историософской» плоскости. Она касалась и способов познания прошлого, сопровождалась постановкой перед наукой новых по своему характеру задач, намечала контуры первой исследовательской программы в рамках того направления дисциплинарной организации историко-экономического знания, что было названо нами «экономической историей».

Спустя столетие исследователи, по-прежнему находящиеся в плену историко-мыслительного подхода и не допускающие мысли о возможности рождения новой научной дисциплины за пределами исторического направления в экономической науке, помещают между «рационалистическим» историзмом западников и «иррационально-романтическим» историзмом славянофилов «исторический метод» И.К. Бабста, выступившего «проводником» идей старшей исторической школы немецкой политической экономии в России.

Обращение к «историческому методу» Бабста обусловлено стремлением восстановить якобы нарушенный славянофилами баланс между анализом «национального» и «исторического» в экономическом развитии, преодолеть своеобразный «недоисторизм» их построений [9, с. 152; 10, с. 384]. Прозвучавший в 1856 г. его призыв к экономистам «проверить историю экономического быта русского человека» стал напрямую увязываться с появлением уже на исходе века университетского курса экономической истории, также, как правило, именовавшегося историей экономического быта [11, с. 79].

Современники, между тем, достаточно сдержанно отнеслись к факту переноса в русскую научную литературу мысли об историческом методе в политической экономии, к этому «запоздалому эху “исторических” школ в других областях государственных наук» (К. Менгер). Соглашаясь с Бабстом в том, что «только система таких экономических начал, которые соображены со всеми явлениями истории древней, средневековой, западной и русской, может соделаться истинною наукою», они недоумевали, что ученый «дождался сочинения Рошера для

провозглашения методы, которая у нас высказана и существует в ученой литературе по многим вопросам» [6, с. 35].

Недоумевали, заметим, с полным на то основанием, поскольку с 30-х гг. XIX в. в отечественной юридической науке и образовании — а наука о государственном хозяйстве, или политическая экономия была неотъемлемой их частью, входя в группу дисциплин политико-юридических, — доминировало историческое направление, вслед за немецкой исторической школой права настаивавшее на объективности процесса возникновения права и непрерывном его развитии. Занятое изучением процесса происхождения и развития русского права, направление на начальном этапе своего существования сосредоточилось на изучении гражданских законодательных норм, предприняв шаги по изданию и изучению памятников писаного права (установлений церкви, княжеской и царской власти) и породив немало исследований по истории древнерусских гражданских институтов (наследования, залога, поручительства, общины и др.), реконструирующих логическую связь законодательных положений.

Наряду с «исторической филологией» свое законное место в рамках исторического направления обрели исследования обычного права как одной из форм исторического его (права) существования, для России более чем значимой (сохраняющей свою роль и действие для широкого и в рассматриваемый период увеличивавшегося круга лиц и отношений). Указывая на тесную связь права с народной жизнью, приверженцы исторической юриспруденции полагали, что история права есть раскрытие основных начал, содержащихся в народном духе: «выше внешней обстановки и влияний необходимо было признать новую силу, которая творит право и овладевает природою. Такою силою признан был в начале нынешнего столетия народный дух или гений, свойственный известному племени и проявляющий себя в целом ряде поколений» [5, с. 72]. В развитии права находят свое отражение, следовательно, не одни только события «внешней» истории народа, но и особенности его «внутреннего быта», жизненного уклада. Через изучение «юридического быта» народа, или «бытовой формы права», выработанной им под влиянием жизненных (бытовых) условий, предполагалось

приблизиться к пониманию исторических эпох, предшествующих появлению писаного права¹.

Реконструкция «обычных начал юридической жизни» осуществлялась с опорой на различные источники, анализу подвергались разнообразные формы объективации обычно-правовых норм. Важнейшим из таких источников стали письменные памятники юридического быта, которые, однако, «сообщают нам сведения о быте народов, стоявших уже сравнительно на высокой ступени гражданского развития, и рисуют его только с одной стороны, так сказать, анатомической, не дают нам знания причин, вызвавших существование и развитие известных социальных явлений, силы и пространства действия этих явлений в жизни, не отвечают на те вопросы, решение которых дается только изучением живых организмов» [12, с. 100]. Поиск в современном обычном праве «остатков», или «пережитков», древнерусского юридического быта, этих «ископаемых исчезнувшего исторического мира» (К.Д. Кавелин), закладывав основы «младшей дочери» истории права — юридической этнографии (антропологии).

И.К. Бабст, также акцентировавший внимание на «народном духе», «народном характере», но с точки зрения влияния последнего уже на хозяйственный быт народа и его историю [1, с. 103, 109], призывал экономистов последовать по стопам юристов-историков, изучающих юридический (общественный, политический) народный быт, сделав объектом своего внимания быт экономический (хозяйственный). В отличие от историков, искавших среди всей совокупности быта юридические факты, экономист, изучающий историю экономического быта русского человека, должен «проследить историю его пищи, одежды, жилья, проследить все, чего он желал, чего хотел, чего добивался и как добивался, чего, наконец, успел достигнуть и каковы успехи нашего экономического быта» [2, с. 105].

На фоне подобной постановки задач истории экономического быта, его обращение к идеям В. Рошера выглядит безус-

¹ Наличие неразрывной связи истории народа и истории права не дает возможности провести границу между ними и, соответственно, между гражданскими историками и историками гражданского права.

ловным шагом, если не назад, то в сторону от пути, прокладывавшемуся историками права. Как справедливо заметил в свое время К. Менгер, немецкий политэконом не стремился «к историческому направлению исследований в области народного хозяйства в духе исторической юриспруденции» [8, с. 444]. В отличие от последней, занятой историческим изучением конкретных правовых институтов, их органического и самопроизвольного происхождения и развития, историческая политическая экономия Рошера — не более чем «компиляция теоретических и практических сведений, почерпнутых из “исторических”, а по большей части “неисторических” обработок политической экономии, компиляция, исторический элемент которой состоит вообще не в особенном характере теоретических и практических знаний о народном хозяйстве, но в присоединении к ним исторических и статистических данных и в включении исторических и историко-философских экскурсов по отдельным материям народного хозяйства» [8, 446]¹. Исторический метод родоначальника исторической школы в политической экономии служил главным образом целям иллюстрации экономической теории, носил преимущественно «педагогический характер», превращая историю в «сборник» поучающих примеров [4, с. 301]².

И в этом смысле он был близок «исторической методе» самого И.К. Бабста — историка по образованию и первоначальному направлению научных занятий. Выступивший рецензентом магистерской его работы М.М. Стасюлевич не случайно

¹ Современный историк экономической мысли полагает заявление Рошера о продолжении им линии немецкой исторической школы права, пользовавшейся авторитетом в науке тех лет, не более чем «гениальным маркетинговым ходом», позволившим сделать востребованным «продукт» своих научных построений [16, р. 548].

² Как отмечал в некрологе на смерть Бабста его ученик и восприимчик на кафедре политической экономии Московского университета А.И. Чупров, «на его лекциях политической экономии отвлеченные положения науки постоянно переплетались с историческими примерами и мастерскими иллюстрациями из современного быта. Картины русской природы и народных занятий, характеристики типов русского промышленного населения, выраженные нередко метким словом народной поговорки, — все это пускалось в ход профессором, для того, чтобы выяснить пред слушателями теоремы науки и экономические особенности нашей страны. Лекции Бабста знакомили аудиторию не только с теорией предмета, но и с русской хозяйственной жизнью. Зная Россию как немногие и обладая даром простого, задушевного и в то же время высокохудожественного изложения своих сведений, профессор заставлял своих слушателей с любовью останавливаться на самых мелочных подробностях русской народной экономии» [15, с. 12–13].

именовал использованный в ней подход «синтетическим», преследующим в качестве основной цели занимательность, популярное изложение исторического материала. Использование подобного метода поставило работу на грань научности, если не вывело за ее пределы: «автор, вместо того, чтобы изучать отдельные факты и явления до последнего их основания, очищать их и проверять критикой, и указать истинное их положение, обращается к массе фактов и явлений, связывает их внешним образом, заботится об одной форме» [14, с. 461].

Стасюлевичу спустя два года фактически вторил Н.Х. Бунге как рецензент уже докторского сочинения Бабста. Автор и его работа (за которую была ему присвоена степень доктора уже не только исторических наук, но и политической экономики и статистики) не оправдали возлагавшихся на них надежд — положения начала хозяйственно-историческим исследованиям как новой «отрасли экономической литературы в нашем отечестве». В работе рецензент обнаружил все тот же «живой и занимательный рассказ», увлеченность «драматическим интересом событий» и явный недостаток, если не отсутствие, «строго ученого анализа». Последний в рамках хозяйственно-исторических исследований, по мнению Бунге, при всем интересе к событийному ряду или экономическим идеям рассматриваемых эпох, должен с опорой на современные экономические знания «осветить явления давно минувшие и определить их внутренний смысл для наших современников» [3, с. 28].

Если и положил И.К. Бабст начало «хозяйственно-историческим трудам» в отечественной науке, то исключительно в рамках той субдисциплины, что была названа нами «исторической экономикой», в основе формирования которой лежала, как правило, систематизация и организация уже существующего знания. Она долго и безосновательно будет именоваться историей экономического (хозяйственного) быта, т.е. пользоваться именем, указывающим на принадлежность к исследовательской области субдисциплины «экономической истории», которая складывалась, развивалась и постепенно, формулируя собственные задачи, обособливалась от области изучения истории юридиче-

ского быта в рамках дисциплины истории права. Получившая название «живой истории общины», область объединит исследователей, предпринявших попытку пролить свет на происхождение института земельной общины, выяснить условия «при которых росла и падала община».

Список использованной литературы

1. Бабст И. Значение племенного характера в народном хозяйстве / И. Бабст // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих. — М. : Университетская типография, 1868. — С. 102–110.

2. Бабст И. К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала / И. К. Бабст // Бабст И. К. Избранные труды / под ред. М. Г. Покидченко, Е. Н. Калмычковой. — М. : Наука, 1999. — С. 100–127.

3. Бунге Н. Х. [Рецензия] / Н. Х. Бунге // Отечественные записки. — 1853. Т. 88. — № 6. — Отд. 4. — С. 23–46. — Рецензия на кн.: Бабст И. К. Джон Ло, или Финансовый кризис во Франции в первые годы регентства. — М., 1852.

4. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений / Ш. Жид, Ш. Рист.; пер. с фр.; предисл. Я. И. Кузьмина. — М. : Экономика, 1995. — 544 с.

5. Капустин М. Этнография и право М. Капустин / М. Капустин // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих. — М. : Университетская типография, 1868. — С. 69–76.

6. Лешков В. Н. Еще о русском воззрении / В. Н. Лешков // Лешков В. Н. Русский народ и государство / сост., предисл., примеч. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2010. — С. 34–42.

7. Майдачевский Д. Я. Начало экономической истории в свете историко-научного подхода в историографии экономической науки / Д. Я. Майдачевский // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2012. — № 2 (40). — С. 123–128.

8. Менгер К. Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности / К. Менгер // Менгер К. Избранные работы; пер. с нем. — М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. — С. 287–495.

9. Покидченко М. Г. Иван Бабст — проводник идей исторической школы в России / М. Г. Покидченко // Историко-экономический альманах: вып. 2 / ред.-сост. Д. Н. Платонов. — М. : Академический Проект, 2007. — С. 145–156.

10. Покидченко М. Г. Особенности национальной экономической мысли России / М. Г. Покидченко // История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 5 / под ред. И.П. Смирнова. — М. : Вузовская книга, 2009. — С. 370–386.

11. Покидченко М. Г. Социально-экономическая мысль России середины XVIII — начала XX в. / М. Г. Покидченко // Покидченко М. Г. Пути развития экономики России: теория и практика: учеб. пособие / М. Г. Подкидченко, Л. Н. Сперанская, Т. А. Дробышевская. — М. : ИНФРА-М, 2005. — С. 9–128.

12. Самоквасов Д. Я. История русского права / Д. Я. Самоквасов; изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1899. — 167 с.

13. Святловский В. В. К истории русской идеологии. Развитие взглядов на сущность экономической эволюции России / В. В. Святловский // Народное хозяйство. — 1904. — Кн. 3. — С. 1–58.

14. Стасюлевич М. М. [Рецензия] / М. М. Стасюлевич // Москвитянин. 1851. № 12 (июнь). Кн. 2. С. 450–487. — Рецензия на кн.: Бабст И. К. Государственные мужи древней Греции в эпоху ее распада. М., 1851.

15. Чупров А. Иван Кондратьевич Бабст (некролог) / А. Чупров. — М. : Типография Н. С. Скворцова, 1881. — 22 с.

16. Pearson H. Was There Really a German Historical School of Economics? / H. Pearson // History of Political Economy. — 1999. — Vol. 31, issue 3. — P. 547–562.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Maidachevsky Dmitry Yaroslavovich — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, e-mail: maid1960@mail.ru.